

История УГГУ

Уральский горный институт во Владивостоке

Н. В. Хисамутдинова

Статья рассказывает о работе во Владивостоке ряда преподавателей Уральского горного института (Екатеринбург), уехавших в годы Гражданской войны на российскую окраину приказом Верховного правителя А. В. Колчака. Особое внимание уделено деятельности на Дальнем Востоке ректора УГИ профессора химии П. П. фон Веймарна, который во Владивостоке пытался реализовать свои принципы организации высшего образования, а в Японии содействовал развитию новейших технологий, основанных на химических процессах. Статья основана на архивных источниках и материалах местной периодической печати.

Ключевые слова: Уральский горный институт; Владивостокский политехнический институт; П. П. фон Веймарн; высшее образование на Дальнем Востоке; русские в Японии; химия коллоидов.

О пъеза преподавателей УГИ

Весной 1919 г., когда на Восточном фронте началось наступление Красной Армии, встал вопрос об эвакуации из Екатеринбурга крупных учреждений, в том числе это коснулось и Уральского горного института (УГИ)¹. Распоряжением Министерства торговли и промышленности правительства А. В. Колчака личный состав УГИ направлялся во Владивосток для укрепления местного политехникума. Владивостокский высший политехникум, созданный осенью 1918 г. по инициативе общественности как частное учебное заведение, был головной болью чиновников министерства. Ректор В. М. Мендрин забросал их письмами, требуя, чтобы правительство озаботилось судьбой вуза и включило его в разряд государственных. «При удачно сложившейся конъюнктуре Политехникум в крайнем случае может просуществовать до конца академического года, но в дальнейшем необходимо перейти на содержание государства», – писал он в январе 1919 г. [1, л. 206]. Отправка на Дальний Восток преподавателей, студентов и оборудования УГИ позволяла частично решить проблему.

Первая партия – шесть семей преподавателей УГИ (П. П. фон Веймарна, С. Н. Петрова, Н. Е. Скареева, К. Д. Луговкина, М. А. Павлова, Е. П. Сысоевой) и часть институтского имущества – отправилась по железной дороге во Владивосток в ночь с 12 на 13 июля 1919 г., за два дня до прихода в Екатеринбург Красной Армии. Еще десять преподавателей (М. К. Елиашевич, М. О. Клер, Е. И. Любарский, В. К. Малинин, Н. И. Морозов, В. Ф. Овсянников, А. О. Рейн, Б. П. Пентегов, Г. И. Стальнов и А. М. Янек) добрались до Владивостока различными путями к концу года. К этому времени город уже был заполнен беженцами, начавшими прибывать в 1918 г. и увеличившими население Владивостока к 1920 г. на 200 тыс. человек. Жилья в городе катастрофически не хватало. Считалось большой удачей снять отдельную комнату, многие же семьи довольствовались углом. Уралцы после почти двухмесячного пути еще две недели оставались в вагонах-теплушках: политехникум из-за отсутствия средств не смог своевременно отремонтировать помещения для УГИ. Ректору Веймарну пришлось немало похлопотать, пока его коллектив не разместили в зале одной из городских гимназий. Вузу же выделили для начала три комнаты в здании Владивостокского коммерческого училища, где располагался и политехникум, не имевший в то время собственных помещений.

Вместе с владивостокским вузом

К этому времени возымели действие ходатайства Мендрина перед правительством Колчака: с 25 сентября 1919 г. Высший владивостокский политехникум закреплялся за Министерством торговли и промышленности в качестве Владивостокского политехнического института, оставаясь при этом частным вузом на попечении общественности и меценатов. «Конечно, постановление Совета Министров от 25 [текущего] м[есяца] не то, о чём Институт мечтал и хлопотал, но при современных условиях и переживаемом моменте это максимум того, что Учебный отдел при поддержке Министерства мог добиться в пользу Института», – говорилось в письме из Министерства, где пообещали при улучшении ситуации вновь возбудить вопрос о превращении института в государственное учебное заведение [1, л. 181].

Во Владивостоке уралцы поначалу старались сохранять самостоятельность, но, имея совместные площади с Политехническим институтом, рациональнее было и учебный процесс проводить совместно, тем

более что специализация во многом совпадала: главной задачей Политехнического института, как и УГИ, была подготовка инженерно-технических работников для горной промышленности. Вузы окончательно объединились в апреле 1920 г., когда постановлением Временного правительства Дальнего Востока (Приморской земской управы) Владивостокский политехнический институт стал государственным, и все расходы по его содержанию были приняты на счет государственного казначейства [2, с. 1]. Из 28 штатных преподавательских должностей Политехнического института 15 оказались занятыми преподавателями УГИ. Профессора и доценты, за редким исключением, были с Урала, поэтому им доверили руководящие посты: П. П. Веймарна избрали проректором и исполняющим обязанности декана горного факультета, Н. И. Морозова – секретарем Совета института, С. Н. Петрова – деканом механического и исполняющим обязанности декана инженерно-строительного факультетов [3, л. 1–3]. Студенты-уралцы укрепили вуз численно (в течение 1919/20 учебного года число студентов в целом возросло до 600 человек), что позволило выделить горное отделение в самостоятельный факультет.

Некоторые профессора и доценты, приехавшие с Урала, одновременно преподавали и в других вузах Владивостока. Так, в Дальневосточном педагогическом институте им. К. Д. Ушинского Н. И. Морозов читал лекции по химии, а В. Ф. Овсянников заведовал кафедрой ботаники [4, с. 18, 21]. В то же время анализ документов позволяет предположить, что профессора и доценты УГИ не думали задерживаться во Владивостоке надолго и надеялись вернуться в Екатеринбург. В приказе о назначении на должности существует примечание: «Ректор, декан и секретарь Совета УГИ сохраняют свои должности по УГИ, но с прекращением выдачи содержания по этим должностям с 8 мая 1920 г.» [3, л. 1].

Став в мае 1920 г. после кончины Мендрина ректором владивостокского вуза, Веймарн и сюда попытался перенести свои принципы организации учебной и научной работы. Он, в частности, считал, что чтение в один день нескольких лекций по разным предметам ведет к переутомлению студентов и не способствует эффективному усвоению материала. И в УГИ, и во Владивостоке расписание составлялось с учетом этого. Благодаря председательству Веймарна в комиссии по разработке Устава Владивостокского государственного политехнического института тот оказался тождественным уставу УГИ и провозглашал большую академическую автономию вуза. Устав предоставлял самим факультетам право формировать учебные планы, вводить дополнительные курсы, организовывать и переименовывать кафедры [5, с. 1]. Лишь две из 43 статей Устава (19 и 26) подверглись существенным, с точки зрения Веймарна, изменениям. Временная комиссия по делам средней и высшей школы вводила в состав Совета и в Хозяйственный комитет вуза с правом решающего голоса по всем вопросам «представителей от Правительства или высшей местной общественно-хозяйственной организации». Веймарн высказал резкое несогласие с этим нововведением, видя в нем возвращение к уставу прошлого столетия. Он счел нужным сделать примечание, что ни он, ни его коллеги не причастны к этому явному нарушению одного из основных элементов автономии вуза, указывая на пагубное влияние «введения в однородный коллегиальный организм Высшей Школы чужеродных элементов» и называл это «чисто провинциальным» экспериментом» [6].

Обеспечить работу института в условиях Гражданской войны было крайне трудно. Несмотря на статус государственного вуза, институт оставался в основном на попечении местной общественности. Средства на его содержание поступали нерегулярно и в недостаточном количестве: их хватало только на оплату хозяйственных расходов. Работа педагогического персонала оплачивалась в незначительной степени, и институт продолжал работать лишь благодаря наличию у преподавателей заработка в других местах. Принудительные мобилизации и частые контрреволюционные перевороты также не способствовали стабильной работе.

Добившись в 1920 г. ассигнований на оборудование института, Веймарн смог организовать ряд лабораторий, чертежных и учебных кабинетов. К осени 1921 г. вуз имел следующие учебно-вспомогательные учреждения: геодезический кабинет с полным комплектом геодезических инструментов; кабинеты наглядных пособий по механическому

¹ Институт был учрежден Государственным Советом России в 1914 г. и начал первый учебный год в 1917 г., за несколько дней до Октябрьской революции.

и инженерно-строительному циклам наук; геолого-минералогический кабинет; лабораторию испытания строительных материалов; несколько химических лабораторий, в том числе физической химии; лабораторию физики и электротехники; библиотеку, насчитывающую до 5 тыс. книг. Смог институт и оборудовать собственную электростанцию, которая обеспечивала электричеством не только вуз, но и целый район. Активизировать учебный процесс, особенно на горном факультете, позволили картографические материалы, книги и коллекции из личных собраний профессоров УГИ. Стремясь оснастить новые кабинеты и лаборатории, они приступили к сбору местных коллекций. В. Ф. Овсянников, в частности, начал собирать коллекцию пород деревьев и кустарников, произрастающих в окрестных лесах, для лесотехнического кабинета, а кабинет геологии пополнился коллекциями, собранными студентами во время учебных экскурсий [7, с. 353].

Веймарн потратил много сил, чтобы добиться для института нормальных условий работы. «Без увеличения ассигнований на научно-учебные расходы, – считал он, – совершенно невозможно поставить сколь-нибудь сносно жизнь Высшей технической школы. Мой долг указать, самым настойчивым образом, что если правительство не увеличит бюджет Высшей Школы, то вместо Высшей Школы получит лишь суррогат её» [6]. Больше ученый, чем администратор, он тяготился необходимостью выпрашивать у властей то, что они сами должны предлагать вузу, и осенью 1920 г. подал в отставку, передав должность ректора профессору С. Н. Петрову.

Получив возможность больше времени посвятить науке, Веймарн продолжил исследования в области коллоидной химии. В 1921 г. вместе с другим профессором химии УГИ, а затем Владивостокского политехнического института Б. П. Пентеговым он совершил научную командировку в Японию, где работал в химических лабораториях Токийского университета. Был он занят в это время и подготовкой к изданию собрания своих трудов, о котором было объявлено в первом выпуске «Известий Уральского горного института», подготовленного еще до эвакуации и увидевшего свет весной 1920 г.

«Известия Уральского горного института»

Важнейшим элементом научной работы Веймарн считал своевременную публикацию результатов исследований. В УГИ этому придавали огромное значение: в первые же месяцы работы вуза был намечен обширный план издательской деятельности, включавший издание научных трудов и учебников преподавателей, а также научного журнала «Известия Уральского горного института», задачей которого ставилась популяризация науки. Из обширного замысла удалось реализовать немногое. Под руководством Веймарна в 1920 г. был издан только первый номер «Известий», да и то не в Екатеринбурге, а во Владивостоке.

Журнал отпечатали в типографии Восточного института, при этом не обошлось без проблем. Весна 1920 г. была временем реорганизации высшего образования на Дальнем Востоке, когда Восточный институт (открыт в 1899 г.) объединяли с мелкими институтами, созданными в годы Гражданской войны, чтобы образовать Дальневосточный университет. Это затрудняло использование типографии, переходившей от одного вуза к другому, предъявлялись жесткие требования к срокам печатных работ. К тому же смутное время не способствовало высоким нравам, и арендатор типографии, некий В. А. Григорьев, изрядно попортил нервы Веймарну, нарушая сроки, отказываясь от договоренностей и попросту обманывая заказчиков [8, с. 335–337]. Тем не менее, несмотря на всевозможные трудности, журнал увидел свет. Обращает на себя внимание тщательность его редакторской подготовки и высокое полиграфическое качество. Титульный лист и содержание напечатаны на четырех языках: русском, английском, немецком и французском. Часть статей опубликована либо с переводом на английский или немецкий языки, либо содержит краткую аннотацию на иностранном языке. Это стало заслугой, как отмечено в журнале, преподавателей УГИ и Владивостокского высшего политехникума Р. Г. Бернштейна, А. А. Вегнера, М. О. Клера, Н. И. Морозова, А. Р. Редлиха, Е. П. Сысоевой и А. М. Янека. Надежда Николаевна Веймарн взяла на себя обязанности корректора.

Журнал вышел в двух книгах и имел четыре раздела – по два в каждой книге. Первый раздел под названием «Оригинальные теоретиче-

ские и экспериментальные исследования» посвящался результатам работ преподавателей УГИ и открывался «Очерками по энергетике культуры» Веймарна. Среди других материалов – научные статьи С. Н. Петрова, А. М. Янека, Е. И. Любарского, М. К. Елиашевича и Н. Е. Скаредова. Во втором разделе были опубликованы краткие научные сообщения, принадлежавшие в основном перу самого Веймарна. В третий раздел журнала под названием «Успехи науки и техники» вошли обзоры по отдельным проблемам, рефераты статей, опубликованных в других журналах, и рецензии на новые книги. Несколько материалов этого раздела подводили итоги работы Веймарна в области коллоидной химии. Об этом, например, «Очерк развития учения о коллоидах за последние 12 лет» химика Н. И. Морозова, в котором он изложил результаты совместных исследований с учителем. Четвертый раздел журнала «Хроника академической жизни» был специально составлен, по замыслу Веймарна, «для будущего историка института»: в нем подробно изложена хроника жизни УГИ в первые годы его существования².

Отсутствие денег, недостаток технического оборудования в типографии и некоторые другие обстоятельства заставили отступить от первоначальных планов. Так, журнал пришлось напечатать на тонкой бумаге, поскольку другой не нашлось. Из-за отсутствия греческого шрифта не смогли опубликовать статью Н. В. Галли, не приехавшей во Владивосток. Не удалось напечатать, как планировалось, жизнеописания и списки научных трудов преподавателей УГИ, так как этот материал остался в Екатеринбурге. По этой же причине редакция не смогла поместить портреты всех почетных членов УГИ и ограничилась снимками П. П. фон Веймарна, А. М. Симонова (бывшего председателя Екатеринбургской земской управы), Е. Д. Калугина (бывшего председателя Пермской губернской земской управы) и Н. Ф. Магницкого (бывшего заместителя председателя Строительной комиссии УГИ).

Первый номер журнала решено было выпустить тиражом 1000 экземпляров, а третий и четвертый разделы, кроме того, издать дополнительно в общей обложке тиражом в 500 экземпляров: по мнению редакции, эти материалы должны были пользоваться наибольшим интересом у читателей³. Согласно постановлению Совета УГИ авторы вместо гонорара получали по двести экземпляров отдельных оттисков своих статей. В объявлениях и анонсах, завершающих 1-й номер, афишировалось содержание следующего выпуска «Известий», в том числе очередные очерки по энергетике культуры Веймарна. Увы, второму номеру «Известий УГИ» не суждено было увидеть свет, но предложенные к публикации статьи Е. И. Любарского, С. Н. Петрова, М. А. Павлова, Н. И. Морозова, Б. П. Пентегова, П. П. Гудкова, В. Ф. Овсянникова дают представление о направлениях исследований, проводимых уральскими учеными на Дальнем Востоке.

Уральские ученые и наука

При отсутствии в Дальневосточном регионе других научных учреждений Владивостокский политехнический институт стал центром научно-исследовательской работы. К тому времени уровень изученности края оставался низким, и основное внимание вузовских исследователей было обращено на изучение местных сырьевых ресурсов, повышение эффективности разведки и добычи полезных ископаемых, совершенствование методов их переработки. В этой работе были задействованы все бывшие преподаватели УГИ. Так, М. К. Елиашевич, М. А. Павлов и Н. Е. Скаредов с первых месяцев жизни во Владивостоке занялись изучением месторождений каменного угля на юге Приморья. Эти работы проводились в основном по заявкам частных горнопромышленных предприятий, которых прежде всего интересовали вопросы практического характера, но геологи использовали эту возможность, чтобы дополнить геологические исследования, которые проводились ранее, и исправить неточности, обнаруженные в процессе разработки угольных пластов.

Так, М. К. Елиашевич, приступив к работе уже зимой 1919–1920 гг., смог не только ответить на вопросы, поставленные перед ним эксплуатационниками, но и связать все угленосные районы окрестностей Владивостока, дать общую картину тектоники месторождений, составить точные геологические разрезы районов добычи угля, определить мощность и качество угленосных отложений в районе каждой шахты. В ходе исследований и разведок он собрал обширную коллекцию углей, пород, иско-

² Преобладание среди материалов журнала статей и заметок самого Веймарна или посвященных ему не осталось незамеченным. Некий Петроний опубликовал в местной газете «Воля» едкую рецензию, обвинив Веймарна в стремлении рекламировать себя. Члены Совета УГИ сочли необходимым дать публичный ответ рецензенту, объяснив, что решение о содержании журнала принималось коллегиально, а не одним редактором Веймарном. Со своей стороны добавим, что Веймарна как редактора не могло не беспокоить качество журнала. Стремясь сделать его полноценным научным изданием при отсутствии крупных научных сил, он вынужден был брать на себя основной труд по наполнению журнала добротным материалом.

³ Во Владивостоке до наших дней сохранился лишь экземпляр 2-й книги журнала «Известия Уральского горного института». Его наряду с другими редкими изданиями смогли сберечь в библиотеке Общества изучения Амурского края, старейшей научно-просветительской общественной организации Дальнего Востока (основано в 1884 г.); 1-й книги в таком виде, как она вышла из печати, не сохранилось, и о ее содержании мы знаем лишь по оглавлению, которым открывается книга 2-я. Все что осталось от нее, это первые 32 страницы с двумя «Очерками по энергетике культуры» Веймарна. Возможно, это даже не часть журнала, а один из оттисков, которые получали авторы вместо гонорара. Он, кстати, тоже задает нам загадку. Второй очерк заканчивается на с. 31, но следующая статья, согласно оглавлению, начинается со с. 41. Вероятно, на отсутствующих страницах был напечатан и 3-й очерк Веймарна, который, увы, до нас не дошел.

паемых растений и животных, которая ныне хранится в Объединенном государственном музее имени В. К. Арсеньева (Владивосток). Геологи из УГИ вошли в образованный в 1920 г. Дальневосточный геологический комитет и, выполняя его задания, охватили исследованиями наиболее важные в геологическом отношении районы Дальнего Востока. Их работа позволила открыть несколько новых промышленных угольных пластов, где позднее были созданы шахты и вплоть до недавнего времени велась добыча высококачественных углей.

Огромный вклад в развитие химической науки на Дальнем Востоке внесли Б. П. Пентегов, К. Д. Луговкин, Е. И. Любарский и Н. И. Морозов. Они также участвовали в изучении минеральных ресурсов Дальнего Востока, занимались вопросами обогащения руд цветных металлов, способами производства скипидара и канифоли на основе местного сырья, химическим анализом продуктов моря для дальнейшего использования их в пищевой промышленности, а также поиском наиболее эффективных методов их переработки. Именно их исследования заложили фундамент будущей академической науки на Дальнем Востоке [9, с. 65–67, 73, 88–90].

Снова на Восток

С завершением Гражданской войны и установлением на Дальнем Востоке Советской власти большинство преподавателей УГИ покинули Владивосток: М. О. Клер вернулся в Екатеринбург и продолжил работу в новом, советском Уральском горном институте⁴. А. М. Янек уехал на родину, в Латвию. Н. И. Морозов и С. Н. Петров перебрались в Харбин, где к этому времени открылись русские вузы. М. К. Елиашевич эмигрировал в США.

Сведения о времени отъезда супругов Веймарн в Японию противоречивы. До недавнего времени считалось, что они покинули Владивосток осенью 1922 г., вскоре после вступления в город Красной Армии. Некролог же, принадлежащий перу коллеги Веймарна В. Оствальда и обнаруженный в немецком журнале, позволяет предположить, что химик мог остаться в Японии после поездки туда для чтения лекций осенью 1921 г., а в апреле 1922 г. принял предложение должности экстраординарного профессора в Императорском Киотском университете [10, р. 8]. Архивные материалы Владивостокского политехнического института, сохранившиеся во Владивостоке, к сожалению, не дают возможности подтвердить или опровергнуть это предположение. С большой долей достоверности можно сказать лишь одно: немаловажное значение для Веймарна, как и для большинства русских эмигрантов, имела близость Японии к российским берегам: никто не думал, что советская власть продержится долго, и все надеялись в самое ближайшее время вернуться на родину. На выбор страны повлияли, несомненно, и научные связи Веймарна с японскими исследователями и его непродолжительная работа в Токио. К тому же он неоднократно с восхищением отзывался об организации научных исследований в этой стране.

Весной 1923 г. супруги поселились в городе Кобе, а работать русский химик стал в Осаке, в Императорском научно-исследовательском промышленном институте (Imperial Industrial Research Institute), где ему предоставили должность профессора-исследователя и руководителя лаборатории коллоидной химии. Здесь совместно с японскими учеными он начал исследования по различным проблемам химии коллоидов. Среди тем, которые разрабатывал Веймарн в Японии, были способы окрашивания древесины и других материалов средствами дисперсионных растворов, исследование целлюлозы, шелка и т. д. О результатах исследований он сообщал коллегам через научный журнал, выпускаемый институтом [11], а многие его изобретения и открытия были внедрены в японскую промышленность. Идеи русского ученого были востребованы в это время в Стране восходящего солнца, которая становилась на путь индустриализации и использовала все возможности, чтобы перенять европейский опыт и новейшие технологии, привлечь на свою сторону лучших зарубежных исследователей и инженеров. «Сейчас профессор Веймарн продолжает свои исследования в Императорском научно-исследовательском институте в Осаке. Результаты его работ и публикации выдают в нём выдающегося химика», – писал в 1924 г. журнал «Industrial and Engineering Chemistry» [12, р. 540–541].

Одновременно Веймарн преподавал в японских университетах: в Императорском Токийском, Тохоку (Tohoku), Киотском. Современники отзывались о лекциях русского профессора как пользующихся большой популярностью у японских студентов. Благодаря помощи японских кол-

лег, в частности, профессора Киотского Императорского университета Y. Osaka, лекции русского химика были опубликованы в Японии в несколько сокращенном виде под названием «Kolloides und Kristalloides. Losen und Niederschlagen, Vortrage aus den dispersoidologischen Untersuchungen des Verfassers für die Jahre 1905–1916» (Коллоиды и кристаллоиды. Растворы и осадки. Доклады о дисперсоидологических исследованиях, проведенных автором в 1905–1916 гг.). Известно, что и в Японии ученый продолжал проповедовать важность изучения естествознания как науки, которая является показателем культуры народов и условием самосохранения человечества [13, с. 19].

Веймарн руководил химической лабораторией в Осаке до 1930 г., а затем перешел на работу в частную лабораторию в Кобе. Видимо, уже тогда его здоровье начало сдавать, и поездки на работу в Осаку стали для него затруднительными. В этот период Кобе был одним из самых «русских» японских городов. Здесь собралась довольно многочисленная русская община, в которой Петр Петрович и Надежда Николаевна обаяли и знакомых по Екатеринбургу, супругов Злоказовых, Сергея Федоровича и Марию Степановну. Несмотря на различие характеров – Веймарн жил замкнуто, любил уединение и не стремился к дружеским контактам, а Злоказов, напротив, был живым и общительным, – они довольно тесно сблизились. Немалую роль в этом, вероятно, сыграла широкая образованность Злоказова: он окончил Петербургский технологический институт, знал более десяти иностранных языков, был членом Уральского общества любителей естествознания [14, с. 265–266].

В апреле 1935 г. профессора Веймарна пригласили на должность директора Высшего технического центра в Шанхае, открытого в марте 1934 г. по инициативе русского инженера В. С. Котенева и при активном содействии Генеральной комиссии по образованию при французском Муниципальном совете. Преподавание велось на русском языке, а дипломные проекты защищались на французском. Одной из причин того, что Веймарн принял предложение Высшего технического центра, были проблемы со здоровьем. К этому времени вплотную встал вопрос о хирургическом вмешательстве. Японские врачи признались в своем бессилии, и надежда оставалась на Шанхай, где имелись медицинские светила из разных стран. Но и там не смогли помочь русскому профессору. Он умер в Шанхае 2 июня 1935 г., немного не дожив до 56 лет. Вдова перевезла тело мужа обратно в Кобе и похоронила на Иностранном кладбище.

Надежда Николаевна Веймарн ушла из жизни спустя тридцать лет, 21 января 1964 г., и была похоронена рядом с Петром Петровичем. Мраморное надгробие на его могиле содержит надпись на японском языке о выдающихся заслугах химика перед Японией. В России же память ученого чтут за огромный вклад в отечественную науку и высшее образование. В свое время о нем писали: «Научные теории жизненных лишь постольку, поскольку они на основании уже известных соотношений дают возможность предсказывать новые соотношения, и это в высокой степени относится к теориям Веймарна... Вследствие редкой разносторонности своей натуры и широты мысли, он в своих работах смог предвосхитить теоретическое направление мышления в соответствующих областях знания. Пройдут многие десятилетия упорной научной работы, прежде чем эти области, смелые очертания теоретических сторон которых столь метко набросаны мыслью Петра Петровича, будут исчерпывающе разработаны последующими поколениями ученых» [15, с. 32].

Именно так и произошло: по словам современных химиков, теоретические концепции Веймарна справедливы и сегодня, а разработанные им способы получения и исследования дисперсных систем находят эффективное применение в нанохимии и нанотехнологиях. К сожалению, обширная и плодотворная деятельность П. П. фон Веймарна и его единомышленников из Уральского горного института, как и всех других, не принявших Советскую власть, долгое время оставалась в России забытой. Лишь в последние десятилетия имя Веймарна было закреплено в списке почетных граждан Екатеринбурга, а биография первого ректора УГИ, ныне Уральского государственного горного университета, появилась на сайте вуза. Во Владивостоке этого многогранно талантливого человека вспоминают, прежде всего, как руководителя первого в регионе технического вуза, сумевшего и в сложнейших условиях Гражданской войны обеспечить его функционирование, отстаивая при этом прогрессивные принципы работы высшей школы⁵.

⁴ По имеющимся сведениям, М. О. Клер – единственный, кто из Владивостока вернулся обратно в Екатеринбург. 16 мая 1923 г. его арестовали по обвинению в экономическом шпионаже и контрреволюционных высказываниях. Приговор к высшей мере наказания, вынесенный 13 февраля 1924 г., заменили на десять лет лагерей с поражением в правах на пять лет. В августе 1925 г. он был освобожден, но через пять лет (июль 1930 г.) арестован снова, на этот раз по «делу Академии наук», и приговорен к 5-летней высылке «за шпионаж». Из ленинградской тюрьмы его отправили в Свердловск, где он работал по специальности, но без начисления трудового стажа. В дальнейшем занимался преподавательской деятельностью.

⁵ В последующие годы Владивостокский политехнический институт претерпел много структурных изменений. В 1923 г. все дальневосточные вузы были слиты в единый Государственный дальневосточный университет (ГДУ), а в 1930–1932 гг. в ходе специализации высшего образования из его факультетов создали несколько отраслевых вузов, в том числе Дальневосточный политехнический и Дальневосточный горный институты, где работали (различные сроки) и бывшие преподаватели УГИ: К. Д. Луговкин, Е. И. Любарский, В. Ф. Овсянников, М. А. Павлов, Б. П. Пентегов, А. О. Рейн, Е. П. Сысоева. Ныне горный факультет, основы которого были заложены уральцами, действует в составе Дальневосточного федерального университета (Владивосток).

Память о других преподавателях с Урала – М. К. Елиашевиче, Е. И. Любарском, В. Ф. Овсянникове, Б. П. Пентегове, М. А. Павлове и др. – сохраняется в их трудах, изданных во Владивостоке⁶, коллекциях, собранных ими, вкладе в развитие науки и высшего образования на далекой российской окраине. Их пример убедительно свидетельствует о том, как много может сделать, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, человек, увлеченный своим делом. Приехав на Дальний Восток уже состоявшимися людьми, со сложившимися научными интересами, они смогли и в новых условиях найти применение знаниям и опыту и реализовать свой научный потенциал на благо края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переписка Владивостокского высшего политехникума и Министерства торговли и промышленности (правительства А. В. Колчака) // Российский гос. истор. архив Дальн. Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-117, оп. 1, д. 10.
2. Вестник Временного правительства Дальнего Востока (Приморской Земской Управы). 1920. № 18 (22 апр.).
3. Список педагогического персонала Государственного Владивостокского политехнического института // Российский гос. исторический архив Дальн. Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–3.
4. И-ч (Ивашкевич Б. А.) Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918–1922 гг. Владивосток: Типолитограф. т-ва «Свободная Россия», 1922.
5. Устав Владивостокского государственного политехнического института //

Вестник Временного правительства Дальнего Востока (Приморской Земской Управы). 1920. № 18 (22 апреля).

6. Филатов В. В. Крутой перелом // История Уральского государственного горного университета. URL: <http://about.ursmu.ru/istoriya-universiteta/professor-filatov-ob-universitete/krutoy-perelom.html>
7. Георгиевский А. П. Государственный Дальневосточный университет в прошлом и настоящем // Приморье, его природа и хозяйство: сб. статей Научно-Просвет. секции Примор. Губерн. выставочного бюро. Владивосток, 1923. С. 349–360.
8. Филатов В. В. Быть по сему! Екатеринбург: Изд-во УГГГА, 2014. 688 с.
9. Турмов Г. П., Хисамутдинова Н. В. У истоков высшей технической школы на Дальнем Востоке России: материалы к биографиям (1899–1941). Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2010. 130 с.
10. Ostwald W. P. P. von Weymar, 1879–1935 // Kolloid-Zeitschrift. 1936. B. 74. Heft 1. P. 2–10.
11. Veimarn P. P. Dispergation and aggregation of natural silk (fibroin) in concentrated aqueous solutions of neutral salts // Repts. Imperial Industrial Research Institute. Osaka, 1926. № 7. P. 5–22.
12. Kashima K. An Eminent Russian Chemist // Industrial and Engineering Chemistry. 1924 (May). Vol. 16, № 5. P. 540–541.
13. Амурский Н. Памяти большого русского человека // Рубеж. Харбин, 1937. 24 июля. С. 18–19.
14. Филатов В. В. Тайны Каменного пояса: Очерки истории горного дела на Урале. Екатеринбург: Изд-во УГГА, 2008. 267 с.
15. Янек А. М. Характеристика научной деятельности П. П. Веймарна // Изв. Урал. горн. ин-та в Екатеринбурге. 1918/19. Владивосток, 1920. Т. 1, отд. 4. С. 28–32.

Наталья Владимировна Хисамутдинова,

natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Россия, Приморский край, Владивосток, ул. Гоголя, 41

⁶ Все исследователи, работавшие когда-либо в регионе, включая период Гражданской войны, дарили библиотеке Общества свои труды, благодаря чему она обладает уникальной коллекцией прижизненных изданий многих ученых, в том числе из бывшего УГИ.